

СИНТЕЗ НАУК КАК ОСНОВА ДЛЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЮРИСЛИНГВИСТИКИ

ВАЛЕНТИНА МАСЛОВА

Витебский государственный университет им. Петра Машерова
Филологический факультет
Кафедра германской филологии
Московский пр. 33, 210038, г. Витебск, Беларусь
e-mail: mvavit@tut.by
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9102-4440>

АНТОН ЛАВИЦКИЙ

Витебский филиал Международного университета «МИТСО»
Кафедра иностранных языков и межкультурных коммуникаций
ул. М. Шагала 8а, 210015, г. Витебск, Беларусь
e-mail: anton_lavitski@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7856-0396>
(получено 23.10.2019; принято 3.11.2019)

Abstract

Synthesis of Research Directions as a Basis for the Emergence of Legal Linguistics

The necessity of close integration of the 21st century linguistics with various research directions in humanities and natural sciences is substantiated in the paper. The significance and the success of such an approach is proved on the example of legal linguistics. The shaping and development of this integrated research branch over the last decades have made it possible to solve conceptual and applied tasks which are outlined in the three main areas of legal linguistics: juridical and linguistic hermeneutics (the study of legal language as a special instrument of lawmaking and legal acts interpretation),

legal speech studies (communication in legal discourse) and court linguistic expert studies (which studies the text as an object of legal control).

Key words: integration, juridical and linguistic hermeneutics, legal discourse, legal linguistics, legal norm, linguistic expert studies

Резюме

В статье приводится обоснование необходимости тесной интеграции лингвистики XXI века с рядом гуманитарных и естественнонаучных направлений. На примере юрислингвистики доказываемость значимость и успешность такого подхода. Формирование и развитие данной интегрированной научной отрасли позволили за последние десятилетия разрешить концептуальные и прикладные задачи, обозначенные в трех основных аспектах юрислингвистики: юрико-лингвистической герменевтике (изучение юридического языка как специального инструментария законотворческого и толкования правовых актов), правовом речеведении (коммуникации в правовом дискурсе) и судебной лингвистической экспертологии (исследующей текст как объект правового контроля).

Ключевые слова

интегативность, лингвистическая экспертология, правовой дискурс, правовая норма, юрислингвистика, юрико-лингвистическая герменевтика

Размышления о перспективах развития гуманитарных наук, выявление приоритетных направлений, тенденций и проблем актуальны и дискуссионны сегодня, тем более, что все время выявляются новые тенденции, появляются новые области научных знаний. Так происходит, например, в истории. Смена научной парадигмы в ней привела к тому, что, пользуясь словами Р. Фрумкиной (2009), «историки переключили свой интерес с описания событий на человека и его ментальность». Поэтому сейчас отношение детей и родителей в средневековой России – не менее важная тема для исследования, чем битвы Александра Невского.

Науки движутся в направлении взаимной интеграции, потому что сейчас ко всем наукам жизнь предъявила новые требования. Лингвистика тоже становится другой, она приобретает более высокий уровень синтеза с другими науками – от молекулярной биологии, генетики, нейрофизиологии, психологии до антропологии, нейролингвистики, аналитической философии. Ю.С. Степанов говорит, например, о синтезе научного, философского, художественного и религиозного подходов (см. его работы *Концепты. Тонкая пленка цивилизации, Мыслящий тростник* и др.). В последних его работах семиотика культуры понимается настолько широко, что фактически превращается в науку о человеке вообще (Степанов 2007: 4). Лингвистика становится телеономной. Под телео-

номностью мы понимаем такую методологию гуманитарного знания, в которой присутствует целесообразность, то есть знание способно создать некую объяснительную конструкцию, а не просто фиксировать и анализировать отдельные факты языка, даже такие сложные, как, например, модальность, синкретизм.

Такое понимание привело к полипарадигмальности лингвистических исследований. Термин *полипарадигмальность* в отечественную лингвистику ввела Е.С. Кубрякова в 90-е годы прошлого века. Этим термином называется ситуация в науке, когда одновременно используется несколько парадигм, например, при исследовании процессов словообразования в лингвистике, а наряду с системно-структурной парадигмой используется когнитивная и даже сравнительно-историческая. Согласно теореме Курта Геделя о неполноте, рано или поздно ни одна наука не сможет развиваться без привлечения методов и результатов другой. Доказательством тому может служить традиционная лингвистика, которая, как отмечается многими лингвистами (К. Ажеж, В.М. Алпатов и др.), зашла в тупик в анализе языковых фактов в рамках своей системы, то есть системно-структурного анализа.

Еще пример: теперь уже нет сомнений, что изучение языковых форм заведомо неполно без обращения к когнитивным категориям и категориям культуры. Примером может быть также антропоцентрическая парадигма, при которой в центре лингвистических исследований оказывается человек говорящий и понимающий. Антропоцентрический принцип плавно перетекает в коммуникативный и диалогический, так как и человек, и его речь по природе своей диалогичны (Лавицкий 2015: 54): диалогичны все тексты, диалогично наше сознание, наш язык. По этому поводу еще М.М. Бахтин замечал, что формы языка человек узнает не из словарей и грамматик, а из живого общения: «Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои устойчивые типы таких высказываний, которые мы называем речевыми жанрами» (Бахтин 1979: 275); ср. русскую поговорку «Речь – это в другого втечь». Любой диалог как фон культуры и социума обуславливает использование культурологического и дискурсивного принципов.

Интегративность как отличительное свойство формирующейся новой лингвистики выражается, во-первых, в том, что знания, полученные в разных областях науки, не игнорируются, а, наоборот, активно используются при решении своих задач; во-вторых, интегративность проявляется также в широте исследовательской проблематики, которая детерминирована многогранностью таких феноменов, как язык, социум, культура, сознание. Это обеспечивает многоаспектность при решении конкретной проблемы и одновременно способствует получению иной, часто неожиданной информации, позволяющей решить дополнительные задачи.

Одна из самых интегративных наук на сегодняшний день – синергетика, с позиций которой рассматриваются отдельные проблемы языка; почти сформировалась синергетическая поэтика. Задачей синергетики становится изучение общих принципов и механизмов самоорганизации и саморазвития в сложных системах различной природы (Николис 1979: 54).

И. Пригожин, рассматривая неустойчивые системы в живой природе, увидел, что порядок непродуктивен, а продуктивен беспорядок и хаос. Порядок и хаос – это два аспекта единого целого, но с позиции каждого из них открывается иная картина мира. Идея динамического хаоса как источника самоорганизации может привести к возникновению новой сущности; так в русской лингвокультуре появились выражения типа *мысленные очи, очи сердца, внутреннее зрение* и т.д.

Особенно продуктивен синергетический подход для понимания сложной мистической поэзии, например, Марины Цветаевой:

Тусклостями: уцербленных жил / Скупостями, молодых сивилл / Слепостями, головных истом / Седостями: свинцом. Это будто бы акт ясновидения, происходит сакрализации ритма. Ритм у поэта – мера всех вещей, он управляет звуком, рождает тончайшую энергию инобытия.

Еще в XX в. американский лингвист Э. Сепир писал следующее:

Чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют – и обвиняют справедливо – в отказе выйти за пределы предмета своего исследования, наконец, поняли, что может означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще. Нравится им или нет, но они должны будут все больше и больше заниматься различными антропологическими, социологическими и психологическими проблемами, которые вторгаются в область языка (Сэпир 1993: 237–238).

Пророчество Сепира сбылось. Возник целый ряд новых наук – от лингвокультурологии, этнопсихолингвистики до когнитивной и юрлингвистики, о которой мы поговорим далее.

Для бытия человека фундаментальное значение имеют язык, право, культура. Разобраться в сложностях их взаимодействия поможет юрлингвистика, которая интегрировала в себе не только лингвистику и право, но и социологию, лингвокультурологию, коммуникативную лингвистику, этику, лингвоконфликтологию и другие области знания. Юрлингвистика – это, прежде всего, лингвоправовой феномен, именно язык и право нужно признать важнейшими для общественного человека реалиями.

Впервые обратили внимание на связь языка и права в Германии в начале XIX века. Было сказано, что гражданам нужен понятный язык законов, документов различных ведомств и государственных учреждений. Однако только во второй половине XX века (70-е годы) после выхода в свет одноименной статьи А. Подлеха *Rechtlinguistik* (Podlech 1976: 105–106) новое лингвистическое направление получило ощутимый импульс для развития. В русскоязычном дискурсе серьезно вопросом изучения «преступных действий языка» (Арутюнова 1988: 315) начали заниматься на рубеже XX и XXI веков.

Юрлингвистика – это научная отрасль, объектом изучения которой являются взаимоотношения языка, права, этики, социальной коммуникации. Она исследует юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права во взаимодействии с культурой и социумом. Право репрезентирует в языке обязательные для всех социальные нормы, установленные государством.

А.С. Александров считает, что невозможно объяснить сущность права, «оставаясь на собственно юридической почве» (Александров 2003: 4), то есть

понятие «право» – это также и продукт языка. Право рождается с помощью языка и познается, истолковывается с его помощью.

Развитию юрлингвистики способствовало понимание эффективности применения лингвистических знаний для судебных операций. Лингвистический анализ стал проводиться для установления авторства текста, фонетические явления стали изучаться с целью принадлежности высказывания конкретному человеку и т.д.

Важнейшие сущности, с которыми работает юрлингвистика, – это юридическая, или правовая, коммуникация, юридический дискурс, судебная лингвистическая экспертиза, юридико-лингвистическая герменевтика и др. Как видим, названные феномены – это, по своей сути, языковые феномены.

Юрлингвистику следует отнести к одному из самых прогрессивных направлений современной науки. Дело в том, что, возникнув на стыке «сложного диалектического взаимодействия юридического и языкового аспектов» (Лебедева 2000: 49), данная отрасль не «закрылась» в исследовательских подходах, методологическом аппарате, терминологическом тезаурусе наработками теорий языка и правоведения. Открытый характер юрлингвистики позволил ей за достаточно короткий срок разрешить целый ряд концептуальных и прикладных проблем, с чем на первых порах своего развития она не справлялась.

Постоянное расширение знаний и представлений юрлингвистики дало возможность включать в сферу ее влияния различные типы дискурсивных практик, в которых ранее любое проявление интереса со стороны лингвистики считалось чужеродным, ненужным, а порой и опасным. В рамках современной юрлингвистики можно выделить три подотрасли, каждая из которых аккумулирует в себе подходы различных научных направлений:

1. Юридико-лингвистическая герменевтика, занимающаяся изучением юридического языка как специального инструментария законотворческого и толкования правовых актов.
2. Правовое речеведение (коммуникация в правовом дискурсе).
3. Судебная лингвистическая экспертиология, рассматривающая текст как объект правового контроля.

Небезосновательным является и мнение о необходимости включения в фокус исследовательского внимания юрлингвистики вопросов, связанных с проблемами государственного, социального, социально-политического, идеологического и др. регулирования коммуникации, например, поддержка языков малых народностей, функционирование национальных языков и так далее. Н.Д. Голев еще 20 лет назад предложил назвать данное направление *лингвоюрисстикой* – научной отраслью рассмотрения «тех преломлений естественного языка (его норм и закономерностей), которые возникают при его приближении к юридической жизни и тех его преобразований, которые возникают при его “прохождении через юридическую призму”» (Голев 1999: 12). Иными словами, лингвоюрисстика должна заниматься изучением юридического языка как особой системы, аккумулирующей нормы и традиции права, по отношению к языку естественному – зеркалу национальной культуры.

Постоянный генезис подотраслей юрислингвистики проявляется, прежде всего, в том, что они достаточно активно привлекают методологию различных научных парадигм, используют для формирования собственного терминологического аппарата синтез понятийных представлений, оформленный в философии, социологии, педагогике, психологии, экономике, математике и т.д.

Так, юридико-лингвистическая герменевтика интегрирует в себе исследования лингвистов, юристов, социологов, психологов, IT-специалистов, журналистов и др. Это позволяет достаточно успешно изучать не только вопросы языковой специфики юридического текста (структура, лексика, синтаксис), но и проводить детальный анализ правовой грамотности языковой личности, особенностей ее правового информирования и функционирования технологического инструментария указанного вида деятельности. Известный французский философ и просветитель Ш. Монтескье писал: «Слова законов должны пробуждать у всех людей одни и те же идеи, никогда не следует в законе употреблять неопределенные понятия, стиль законов должен отличаться точностью и краткостью» (Монтескье 1999: 193). Однако в современных реалиях, когда экспертная оценка любого текста, в том числе и юридического, практически не ограничена каналами распространения, интерпретация правовых документов нередко становится средством манипуляции языковым сознанием, орудием дестабилизации социально-правовых и политико-экономических отношений в обществе, что в значительной степени усиливает требования к языку как первичному средству реализации закона. Первичность языка здесь объясняется его гносеологической и превентивной (предупреждающей) функциями, реализация которых требует алгоритмической системы правового информирования, обозначенной для адресата как достоверная и имеющая обратную связь. При этом юридический текст зачастую обезличен, то есть не имеет указаний на адресата и адресанта, но сохраняет свои прагмалингвистические свойства: иллюкутивную и перлокутивную силу – указания на необходимость выполнения определенных действий или, наоборот, предупреждения отказаться от них. Иллюкутивная сила юридического документа имеет статус правовой нормы, обязательной для исполнения.

Внешняя интерпретация юридического документа является обязательным условием нормального функционирования правового пространства. Дело в том, что специальный текст – это лишь некая оболочка нормы закона, его материальная структура. Сама же норма как когнитивная единица, детерминирующая поведение языковой личности, воспринимается и осмысливается сознанием, где не может быть полностью обособлена от других правовых норм: она «встраивается» в систему уже имеющегося правового контента, организованного ранее полученными правовыми знаниями и социальным опытом. А.В. Поляков по этому поводу отмечает: «Правовая норма находится не в тексте, а в психосоциокультурной действительности, бытийствуя как идеально-материальный феномен», она «конституируется не одним правовым текстом, а всей совокупностью текстов данной культуры (интертекстом)» (Поляков 2007: 9). Таким образом, внешняя интерпретация становится социальным опытом, необходимым для формирования целостного представления о правовой норме

(ее значения, принципах функционирования, применительной практике и т.д.). О значимости социального опыта – взаимоотношений с другими членами социума – в процессе формирования понятия нормы пишет американский исследователь Д. Уолшем:

В какие бы взаимодействия ни вступали «я» и «другой», «я», преследуя свои цели, должен принимать во внимание действия «другого» и наоборот. Когда оба принимают в расчет друг друга, возникают общие экспектации по отношению к действиям каждого из них. Эти экспектации и структурируют взаимодействие. Чем чаще повторяется взаимодействие, тем более единообразными и стандартизированными становятся эти экспектации. Так рождается норма, структурирующая в глазах индивидов определенные ситуации взаимодействия (Лившиц 1994: 109–110).

Еще более глубокой видится интегративная основа судебного речеведения, в рамках которого рассматривается самый широкий спектр проблем фундаментального и прикладного характера. Коммуникация в правовом дискурсе включает в себя изучение психо- и прагмалингвистических аспектов речевой деятельности субъектов правовых отношений практик (судьи, адвоката, обвиняемого и т.д.), а также обстоятельств речевого взаимодействия (процессуальные правовые практики как особый вид коммуникации). Однако границы правового дискурса, как и его участники, сегодня понимаются достаточно широко и не всегда очерчены институционально: «Неудачно “вылетевшее” слово меняет не только ход деловых событий (...) может обернуться уголовным наказанием» (Осадчий 2007: 9). Иными словами, практически любой текст, равно как и его автор, в различных обстоятельствах является объектом/субъектом лингво-правового контроля, то есть частью правового дискурса. Здесь будет уместно привести мнение, согласно которому «в результате определенной „химической реакции“ – при возникновении правовой коммуникации – возникает право» (Поляков 2011: 36).

Достаточно значимой в социальном плане является разработка концепции делинквентной языковой личности, требующей привлечения концепций и подходов ряда гуманитарных и естественнонаучных парадигм: философии (для работы с понятиями истины, умышленности), юриспруденции (для идентификации правовых критериев оценки делинкветности и корректировки подходов профилактической правовой работы), психологии (для исследования причин и особенностей делинквентного поведения), психиатрии (для глубокого анализа психиатрического состояния делинквента и аффективных состояний), информатики (для изучения технических и технологических параметров виртуальной коммуникации и цифровых информационных платформ как площадок реализации преступной речевой деятельности), педагогики (для идентификации пробелов в образовательно-воспитательной среде формирования делинквентной личности) и др.

Наиболее востребованным сегодня является экспертологическое направление юрислингвистики – отрасль, ориентированная на решение, в первую очередь, прикладных задач специального экспертного изучения текста на предмет соответствия его содержания правовым нормам. Большинство исследователей

выделяют несколько типов экспертной лингвистической работы, каждый из которых сопряжен с определенным видом правового регулирования: распространение порочащих сведений и клевета, оскорбление, экстремистская деятельность, угроза. Отдельно выделяют почерковедческую экспертизу. Полагаем, что следует также отметить такой вид экспертного исследования, как описание речевого/психолингвистического портрета преступника. Данное направление достаточно известно в процессуальной правоприменительной практике, однако его концептуальные теоретические основы (без чего невозможно достичь высокого уровня прикладной реализации) пока не осмыслены окончательно и активно разрабатываются в настоящее время.

Интегративную основу формирования и развития судебной лингвистической экспертологии предопределило широкое понимание сущности объекта специального исследования – текста, как любого вида семиотического знака в любой форме его реализации (устный, письменный, креолизованный и т.д.). При этом текст для эксперта-лингвиста – это не обособленная материальная сущность, он всегда имеет контекст: «отдельные слова и выражения (*вне учета всех дискурсивных обстоятельств коммуникации – курсив наш*) не могут быть предметом вербальных правонарушений», ибо «отдельное слово, взятое из словаря, не отнесено к действительности – это просто слово, единица языка» (Осадчий 2007: 9). Очевидно, что для исследования всех дискурсивных обстоятельств речевого взаимодействия современной лингвистике не хватило бы ни теоретической базы, ни методологического инструментария. По этому поводу 10 лет назад К.И. Бринев отмечал, что «исследования в области лингвистической экспертизы сразу выявили то, что теоретическая лингвистика не готова решать конкретные исследовательские задачи» (Бринев 2009: 15). Однако современная юрислингвистика, ориентированная на глубокую межпредметную интеграцию, смогла во многом преодолеть данную проблему, привлечь знания и подходы целого ряда гуманитарных и естественнонаучных парадигм, что позволило теоретически обосновать и верифицировать новые методики экспертного анализа текста: параметризации, триангуляции, концепт-анализа и др.

Выводы

1. Признание целостности как основополагающего принципа бытия обязывает принять любую жизненно уместную (и нужную) теорию. Интегративность обеспечивает целостную рефлексию, порождаемую интегрированным знанием об объекте изучения. Идея интегративности в науках оказалась соответствующей духу времени: назрела необходимость создания интегративного направления, объединяющего методы и положения ряда междисциплинарных наук, затрагивающих проблемы человека и его сознания в языке, языка в человеке, культуре, обществе и др.

2. Юрислингвистика – одна из современных лингвистических отраслей, которая интегрирует в себе не только знания, сформировавшиеся на стыке инте-

ресов языка и права, но и успешно использует концепции других наук: философии, психологии, конфликтологии, информатики, экономики, педагогики и др.

3. Язык являет собой первичный инструмент правового регулирования, так как реализует в правовом пространстве гносеологическую и превентивную функции. Правовая норма имеет материальную языковую оболочку, однако ее когнитивная сущность формируется в представлениях языковой личности как конструирующая и связанная отношениями с другими нормами единица системы правового самосознания.

4. Правовая коммуникация – особая форма речевого взаимодействия, реализующегося в юридическом дискурсе. Данный вид дискурса, хотя и ограничен процессуальными правовыми и правоприменительными практиками, не связан с институциональными обстоятельствами.

5. Одно из важнейших направлений юрлингвистики – судебная лингвистическая экспертология, рассматривающая текст как объект правового регулирования и контроля. Интегативность основы современной лингвистической экспертологии воплотилось в успешном привлечении теоретических знаний и прикладных разработок, в первую очередь, методологического характера из различных гуманитарных и естественнонаучных направлений.

Библиография

- Aleksandrov, A.S. (2003). *Vvedenie v sudebnuju lingvistiku*. N. Novgorod: Nižegorodskaja pravovaja akademija [Александров, А.С. (2003). *Введение в судебную лингвистику*. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия].
- Arutunova, N.D. (1988). *Tipyazykovyh značenij. Ocenka. Sobytie*. Moskva: Nauka [Арутюнова, Н.Д. (1988). *Типы языковых значений. Оценка. Событие*. Москва: Наука].
- Bahtin, M.M. (1979). *Problema rečevyh žanrov*. V: Bočarov, S.G. (Sost.). *Ėstetika slovesnogo tvorčestva*. Moskva: Iskusstvo: 237–280 [Бахтин, М.М. (1979). *Проблема речевых жанров*. В: Бочаров, С.Г. (Сост.). *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство: 237–280].
- Brinev, K.I. (2009). *Teoretičeskaâ lingvistika i sudebnaâ lingvističeskaâ ěkspertiza*. Barnaul: Altgra [Бринев, К.И. (2009). *Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза*. Барнаул: АлтГПА].
- Frumkina, R. (2009). *Psiholingvistika kak projekt*. *Polit.ru*. 15.06.2009. [Фрумкина, Р. (2009). *Психоллингвистика как проект*. *Полит.ру*. 15.06.2009]. (Online) <https://polit.ru/article/2009/06/15/psyling/> (доступ 18.09.2019).
- Golev, N.D. (1999). *Ūridičeskij aspekt azyka v lingvističeskom osvvešenii*. V: Golev, N.D. (Red.). *Ūrislingvistika–1*. Barnaul: Izd-vo Altajskogo universiteta: 11–58 [Голев, Н.Д. *Юридический аспект языка в лингвистическом освещении*. В: Голев, Н.Д. (Ред.). *Юрлингвистика–1*. Барнаул: Изд-во Алтайского университета: 11–58].
- Lavickij, A.A. (2015). *Kommunikativnoe prostranstvo regional'nyh gazet: žanry, važnejšie koncepty*. Dissertacija kandidata filologičeskih nauk. Vitebsk [Лавицкий, А.А. *Коммуникативное пространство региональных газет: жанры, важнейшие концепты*. Диссертация кандидата филологических наук. Витебск].
- Lebedeva, N.B. (2000). *O metaazykovom soznanii ūristov i predmete ūrislingvistiki*. V: Golev, N.D. (Red.). *Ūrislingvistika–2*. Barnaul: Izd-vo Altajskogo universiteta: 56–71 [Лебедева, Н.Б. (2000).

- О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики. В: Голев, Н.Д. (Ред.). *Юрислингвистика-2*. Барнаул: Изд-во Алтайского университета 2000: 56–71].
- Livšic, R.Z. (1994). *Teoriâ prava*. Moskva: Izdatel'stvo BEK [Лившиц, Р.З. (1994). *Теория права*. Москва: Издательство БЕК].
- Monteske, Š.L. (1999). *O duhe zakonov*. Moskva: Mysl' [Монтескье, Ш.Л. (1999). *О духе законов*. Москва: Мысль].
- Nikolis, G., Prigožin, I. (1979). *Samoorganizaciâ ot dissipativnyh struktur i uporâdočennosti čerez fluktuacii*. Moskva: Mir [Николис, Г., Пригожин, И. (1979). *Самоорганизация от диссипативных структур и упорядоченности через флуктуации*. Москва: Мир].
- Osadčij, M. (2007). *Pravovoj samokontrol' oratora*. Moskva: Al'pina Biznes Buks [Осадчий, М. (2007). *Правовой самоконтроль оратора*. Москва: Альпина Бизнес Букс].
- Podlech, A. (1976). *Rechtslinguistik*. V: Grimm, D. (Hrsg.). *Rechtswissenschaft und Nachbarwissenschaften*: 105–116.
- Polákov, A.V. (2007). *Kommunikativnaâ koncepciâ prava (genezis i teoretiko-pravovoe obosnovanie)*. Avtoreferat dissertacii. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo SPBGU [Поляков, А.В. *Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование)*. Автореферат диссертации. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ].
- Polákov, A.V. (2011). Normativnost' pravovoj kommunikacii. *Pravovedenie*, 5: 27–45 [Поляков, А.В. (2011). Нормативность правовой коммуникации. *Правоведение*, 5: 27–45].
- Sèpir, È. (1993). *Izbrannye trudy po âzykoznaniiu i kul'turologii*. Moskva: Progress [Сэпир, Э. (1979). *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Москва: Прогресс].
- Stepanov, Ū.S. (2007). *Koncepty. Tonkaâ plenka civilizacii*. Moskva: Âzyki slavânskikh kul'tur [Степанов, Ю.С. (2007). *Концепты. Тонкая пленка цивилизации*. Москва: Языки славянских культур 2007].